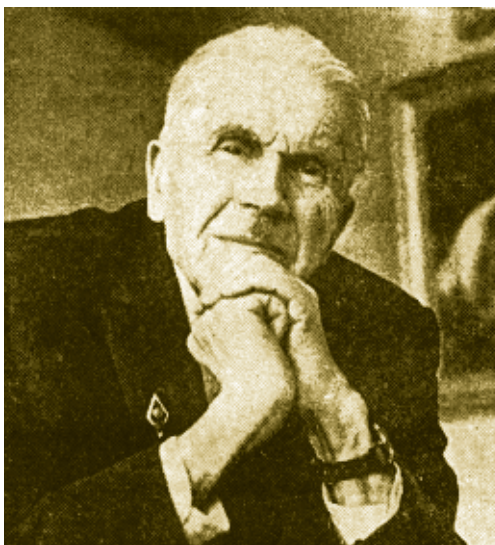

«СТРЕМЛЮСЬ ВСЮДУ ГОВОРИТЬ ОБ ИСКУССТВЕ»

ИЗ ПИСЕМ ВОРОНЕЖСКОГО ХУДОЖНИКА, ИСКУССТВОВЕДА,
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА ВОРОНЕЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ЛЕОНИДА МИТРОФАНОВИЧА АФАНАСЬЕВА (1889–1971)

Культурология — наука молодая. Однако изучение истории искусства, основ эстетического воспитания всегда входило в академическую программу университета. В этом легко убедиться, прочтя фрагменты из писем Леонида Митрофановича Афанасьева к дочери и бывшей жене. Эта переписка длилась сорок лет, с 1931 года, когда семья распалась, и до 1971-го, когда не стало Леонида Митрофановича. Наша публикация охватывает лишь один ее период — с начала войны и до последнего года жизни Сталина. Потом началась уже другая эпоха.

Афанасьев — уникальный для воронежской культуры человек. Самобытный художник-пейзажист, прекрасный лектор, пропагандист реализма. Именно он успел вывезти в Омск из

прифронтового Воронежа значительную часть экспозиции нашего Художественного музея, хранил ее все месяцы оккупации и вернул в освобожденный Воронеж.

В конце 1940-х, в разрушенном до основания городе, Леонид Митрофанович разработал и начал читать курс Истории искусств. Его слушателями были студенты университета, института, техникума, школьники, жители дальних и близких районов области. Публикуемые отрывки из огромного эпистолярного наследия

художника передают не только напряженный рабочий ритм этого, в полном смысле, народного просветителя, но и рисуют детали быта того непростого и трудного времени, когда восстанавливался город, когда только формировалась будущая гуманитарная аура Воронежа. В ее создании есть, безусловно, и заслуга Леонида Афанасьева.

1

25/VI 41. Москва.
А.Л. Афанасьевой.

Большие и грозные события, которые развернулись с необычайной быстротой, в корне изменили планы. Сегодня уезжаю домой, если это удастся — так трудно получить билет.

Только вера в силу и дух наших защитников, в техническую мощь, созданную на границах нашей великой родины успокаивают несколько внутреннее волнение.

Буду пытаться ехать, — была интересная и нужная для меня здесь работа, прерванная, к сожалению. Я спешу домой, где, в сущности, все лежало на мне. Мое начальство вероятно на днях будет призвано, если я его еще застану.

Как сложится дальше моя работа, я не знаю. Но конечно в такие минуты, в такое время, как сейчас; едва ли я смогу удовлетворять свое чувство в любимой работе по искусству — все время буду чувствовать ее незначительность и все время будет стремление делать более нужную сейчас для Родины.

2

7.XII. 45. Воронеж.
А.Л. Афанасьевой.

Мне остается начать свое повествование с тех дней, когда я перестал иметь от тебя строки — с осени 41-го года... Уже в сентябре начались здесь налеты, которые к октябрю приняли какой-то систематический характер, и то и дело по тревоге и днем и ночью я выбегал из своего музея и занимал свой пост на крыше, готовясь ловить и сбрасывать зажигательные бомбы. Только в первых числах октября удалось добиться решения об эвакуации ценностей музея, проявить в этом отношении личную инициативу, тем более что директора мобилизовали на войну (был очень милый и простой человек), а вновь назначенный, который продолжает и сейчас работать, был больше занят другой работой. А я с утра до поздней ночи, а иногда и ночью, неся дежурство, иногда по 8 ночей подряд укладывал всё ценное, иногда за плотника мастерил ящики, ломал для них стеллажи, витрины и шкапы. Особенно много труда и заботы доставили картины, а всего было уложено 14.000 экспонатов, и только в ноябре, 12 числа, после 2-х дневной погрузки в 3-х вагонах с одним вагоном из них в качестве теплушки с 12 пассажирами тронулись в далекий путь. Была зима. Под нами в ящиках гравюры, скульптуры.

Путь был долгим, — 80 дней провели в вагонах, и я ни одной ночи не спал, ибо поддерживал огонь в печке, чтобы не замерзнуть. А днем — поиски хлеба, топлива, провизии — ведь больше стояли на станциях, а иногда за несколько километров от них, и к новому году добрались только до Пензы, где навстречу шли иногда поезда с возвращающимися обратно в Воронеж (Университет, мединститут). Но, к счастью, мы не вернулись, ибо с 3-го июля 42 г. начался разгром нашего города и все пешком бежали кто куда, и все тогда бы наше погибло. От Куйбышева стали скорее двигаться, но мне было труднее, так как я остался один мужчина, а на моем обеспечении целые 3 семьи, а от Угры — совсем нас было мало, только наша семья из 3-х человек. В зимний солнечный день пересекли Урал, и я, как художник, примирился как-то со всеми трудностями, видя красоты Уральских гор в зимнем оперении.

Но дальше пошла низменность, бесконечная и почти безлюдная сибирская ширь. Только в середине января в суровый зимний вечер прибыли в далекий Омск, где много дней стояли, надеясь на возвращение, а нас выгрузили в самом городе на ветке числа 2-го февраля.

Вместо жилья дали нам просто угол в чужой комнате с некультурными хозяевами почти у самого берега Иртыша, скованного в то время льдом... Тяжела была зима бесконечная, с сугробами снега, буранами и неизбежными простудами...

3

23.II. 46. Воронеж.
А.Л. Афанасьевой.

Хотелось написать тебе после того, когда я начну свои занятия в Университете — ты вот там в Ленинграде, на словесном (или литературном), а я вот в Воронежском, на историческом и литературном одновременно со 2-го семестра начал читать по приглашению Университета курс Истории искусств (факультативный, рассчитанный на 38—40 часов, т.е. до конца семестра). Мои часы первые — с 8-ми утра по четвергам, сразу слушают два факультета и даже 2 курса, ибо в прошлом году некому было читать этот курс на 1-м. Народу набивается очень много, а так как здесь все ужасно примитивно — сидят на рваных ящиках, столах, каких-то подобиях стульев и скамеек, — то получается весьма и весьма странная обстановка. Но я так рад, что снова среди молодежи, по преимуществу это все девушки, слушают с большим вниманием, рассматривают с еще большим все то, что я приношу. Уже было два четверга, да кроме того ко мне в музей уже приходила большая экскурсия, с которой я провел незаметно почти два часа, увлекшись и вдохновившись любимой темой, хотя показывать-то всего можно один небольшой зал...

Вообще я как-то не могу обойтись без педагогической работы — я в нее втянулся уже — ведь преподаю почти без перерыва с 1922 г., т.е. почти четверть века. В Омске я преподавал сперва в Авиотехникуме, а потом не мог не соблазниться предложением перейти во втуз — Автодорожный институт, где я был ассистентом по кафедре графики и начертательной геометрии... Там было много слушателей, больше тоже студентки, очень много было из Ленинграда, у каждой я спрашивал, где они учились в средней школе — много было твоих сверстниц. И вот теперь, «профессорствуя» в Университете, я получаю большое удовлетворение.

С годами, с приближением моего возраста к разряду так называемого «почтенного возраста» язык мой стал все больше и больше развязываться. К этому еще приучила моя новая профессия — музейного работника (хотя этой профессией я занимаюсь уже почти 10 лет)

Рабатая на этом попроще, приходится очень много говорить, а твой отец обладает еще одним свойством — иногда настолько увлечется этими объяснениями, в особенности, если подвернется более многочисленная аудитория, да при этом интересная, любознательная, что готов говорить два и три часа. По-

жалуй, одним из приятных моментов жизни в Омске была возможность посетить лазареты, куда меня направляли, чтобы прочесть какую-нибудь лекцию об искусстве — ведь музей был свернут, находился весь в ящиках, а говорить об искусстве так ведь хотелось, — вот я и шел в госпитали, где меня всегда так хорошо принимали и так внимательно слушали. И этим я как бы восполнял тот пробел в своем сознании, который меня так мучил все 4 года — что я мало приношу пользы, сидя в Омске, охраняя ценности, но не служа ими на пользу непосредственного зрителя, И часто во время этой Великой войны было в мыслях снова вернуться к инженерной деятельности куда-нибудь на производство, на завод, работающий непосредственно на войну, на оборону. Только здоровье мешало всякий раз осуществлению планов и как-то всё же, начал работу в Автодорожном институте, и как-то смог наполнить более полезным делом свое тамошнее существование. Непосредственно живописью, своим любимым делом я много не смог заниматься — мешала темнота, отсутствие сносного жилья, особенно первые полтора года; когда мне приходилось всё же иногда что-нибудь делать дома, то я вынужден был это делать, лежа на кровати, ибо не было другого места. Когда обзавелись с великим трудом квартирой, тоже было и тесно и холодно зимой, да и столько было хлопот с этой пилкой дров, ходьбой по несколько раз в институт. Только под конец, уже в 44-м году, приобрел небольшую клиентуру — работал для опытной станции юных натуралистов, делал для них альбомы, таблицы, диаграммы для оформления методического кабинета. Это прекрасный уголок с прудами и приятной растительностью, где иногда писал и этюды...

4

12 мая 1946 г. Воронеж.
А.Л. Афанасьевой.

Этот день (имеется в виду 29 апреля, день рождения автора писем — ред.) неудачно устроился — почти канун Первого мая, и мне всегда приходится проводить его в трудах больших: у художников бывает два раза в году великая страда — к 1-му мая и к 7-му ноября. И вот и этот раз мне пришлось со многими другими, но на счастье тут же, где я обитаю — в Гор. парт. кабинете — почти четверо суток ползать по полу над созданием двух больших плакатов для оформления площади, где происходит парад. Один выпал на мою долю такой сложный, что отнял у меня больше 2-х дней — все это иллюстрации к пятилетке, и надо было изобразить обилие предметов потребления... От многого из изображаемого я не отказался бы в натуре, но пришлось тешить себя хотя бы созерцанием того, чего пока нет...

Я с удовольствием хожу на свои занятия в два учебных заведения и горюю очень, что уже прочел весь курс в пединституте. В Университете же всего бываю один раз в неделю, и свои сорок часов смогу дать лишь к концу июня. Без преподавательской же деятельности мне как-то не по себе...

Вот уже наступает лето, а мы все еще бездомные, но пожаловаться не можем — здесь все-таки неплохо и тут же моя работа. Есть надежда в июле провести месяц где-нибудь недалеко на лоне природы: по Союзу художников мне дадут творческую командировку, и хочу устроиться в каком-нибудь совхозе для этюдов и работы над задуманной мной картиной «Хлеб» — нужно захватить момент созревания хлебных полей, золотых колосьев, уборки. Сейчас работаю над первоначальным эскизом, чтобы связаться с какой-нибудь организацией, показать свою мысль и как-то оформиться, чтобы выполнить задуманную работу к 47-му году, когда предполагается большая выставка к 30-летию Сов. Союза.

5

12 мая 1946 г. Воронеж.
Е.И. Афанасьевой.

... Всегда столько работы и всяких занятий, а тут еще весна, когда надо воспользоваться и ранним светом и распускающейся природой для работ по своей основной профессии художника. Ведь надо как-то оправдать звание члена Союза советских художников и подготовиться к выставкам, к разным конкурсам, тем более, что осенний период почти всё вычеркнул у меня в моем творческом багаже и хочется наверстать и сделать что-то поинтереснее, показать свое лицо. И хотя нет своего собственного жилья, но всё же здесь, где мы находимся пока, есть много воздуха, в моем распоряжении весь зал, где музей, и когда он закрывается или с утра до открытия я могу делать в нем, что угодно. И от всего тут близко — и в Университет минут 30 ходу и в Пединститут тут почти столько же. <...>

Вот еще тепла настоящего нет и как-то весна все еще не глядит по-весеннему, холодные вечера, много пыли из-за бесконечных развалин, дождей нет и как-то еще неприглядно. Незаметно и строительство по-настоящему — кое-где копошатся немцы военнопленные. Но как-то по привычке уже глаз к этим пустым коробкам, зияющим окнам и грудам кирпичей, кажется, что это уже всегда так было и подчас удивляешься, где это живет столько людя, ведь жителей, уже скоро будет 300 тысяч, а в городе все пустые коробки.

Обещают к осени что-нибудь для нашего постоянного жилья, собираются к тому же времени освободить здание, где когда-то был краеведческий музей и для нашего музея предоставить один этаж — это старинное здание еще Елизаветинских времен...

6

7/VIII.47. Воронеж.

А.Л. Афанасьевой.

...На отпуск я уже давно смотрю не как на отдых, а как возможность работать. Вот и на этот раз все вышло так, как обычно, и я смог загрузить себя работой. С одной стороны, творческой, как художник, а, главное, в качестве «странствующего лектора» от обкома ВЛКСМ. Сперва я поехал на 4 дня в город Липецк. Времени у меня много отняла дорога, даже с пересадками, хотя до этого города, основанного еще при Петре, рукой подать, всего около 140 км. Прочел там целых 7 лекций в самых разнообразных учреждениях, начиная от детдома и кончая клиником для ветеранов войны. Вернувшись и подготовившись к более долгому странствованию получил командировку от того же комсомола в целых четыре района. Уехал в город Бобров (тоже с пересадкой, но в другом направлении), где снова читал лекции и охотился за роскошными видами и спящей рожью. Затем побывал в одном совхозе, но самое интересное — в «Каменной степи» — в институте Докучаева, где видел много интересного, читал лекцию и ловил виды. Снова поехал в Бобров, где меня ждали вторично и оттуда должен был рано утром 29-го сесть в поезд и ехать в Бутурлиновку, снова для 3-4 лекций и, конечно, этюдов с хлебов и видами. Но тут со мной в этот день вышла неприятность — попав на станцию около 3-х утра, навьюченный рюкзаком, этюдником и комплектом репродукций, я почувствовал себя дурно. При содействии начальника станции меня усадили в Воронеж, куда я и прибыл днем, с трудом добравшись до дому, ибо в этот день еще не ходили трамваи. И вот меня уложили, и лежу я 2-ую неделю. Но все-таки я смог за июль и прочитать 15 лекций, и сделать почти два десятка этюдов, чтобы оправдать свое существование и творческую командировку. А тут еще предстоит весьма утомительная укладка картин и гравюр: к 1 сентября наш музей перетаскивается в другое помещение, где когда-то был краеведческий.

7

4 декабря 1947 г. Воронеж.

Е.И. Афанасьевой

... Иногда попадаешь в самые невероятные условия. Вот и последний раз согласился я на предложение областного лекционного бюро проехать дальше Борисоглебска в небольшой районный центр Байгурово почти на границе с Саратовской областью. Думал, что это близко и нетрудно. Встал около 5-ти, занял очередь за билетом, доехал до Поворино, там ждал снова поезд, и через два часа прибыл в маленькую дыру, где, благодаря только любезности одного комсомольца, приютившего меня и накормившего (там ничего и достать нельзя), я кое-как просуществовал. Ел из одной миски щи, спал почти на полу и, думая, что уже скоро обратный поезд. Не имея часов, забрался ночью на станцию, где целых шесть часов ждал поезд, чтобы ехать опять с пересадкой в Борисоглебск, откуда был прямой вагон до родного города. И вот эти вокзалы, станции, эти бесконечные пересадки и необходимость питаться то стаканом молока, то какой-нибудь пышкой из ржаной муки — как это меня утомляет! Хотя дело это и любимое и дает какое-то нравственное удовлетворение.

8

13.III.48. Рамонь, Воронежская обл.

А.Л. Афанасьевой.

Пишу тебе из районного центра нашей области, куда я выехал 10-го. Это сравнительно близко — два часа с небольшим до ст. Графской, где я 11-го прочел две лекции, а 12-го после сложного и утомительного пути и пребывания долго на маленькой станции Рамонь (всего 18 км. от Графской), я утром был в Рамони-поселке. К сожалению, наступила опять зима с 15-18 градусами мороза, и я не могу наслаждаться красотами местности. Вчера прочел 2 лекции, одну из них в вузе — химико-технологическом институте, который здесь устроился в бывшем дворце-замке Ольденбургского. Здесь до войны был сахарный завод, а еще раньше — 30 лет назад — известная фабрика конфет. Особенно славились рамонские леденцы в жестяных коробках. Сегодня надеюсь прочесть еще 4 лекции, а завтра быть обратно в Воронеже.

9

28-го апр. 1948. Бутурлиновка, Воронежская обл.
А.Л. Афанасьевой.

Пишу тебе снова не из Воронежа, а из маленького городишка почти на самом юге области, снова с лекциями, прославляя Репина, Сурикова и этот раз еще и Васнецова.

Весна затянулась, еще холодно, и даже не распустились деревья, а к тому же здесь все очень неинтересно и ничего не нашел живописного — краски, неизменный мой спутник, не пригодились и уезжаю, не раскрывая этюдника.

10

3/V.48. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

С этим письмом посылаю вырезку с моим изображением в газете «Коммуна», где устраиваются «среды». Конечно, на снимке нельзя ничего узнать — где я и кто меня окружает. Таково уж искусство нашей периферийной газеты. Зато у них очень приятная аудитория, и в зале замечательная акустика — когда говоришь, то слова как-то плывут в аудиторию, точно вонзаются в свежее сбитое сливочное масло. А ведь мне столько пришлось за это время выступать — за 4 месяца я уже прочёл около 50 лекций. Об одном Сурикове выступал 35 раз.

11

16/VII.43 г. Лиски.
А.Л. Афанасьевой.

Пишу карандашом в номере убогой гостиницы, где стоит 10 коек с разными посторонними, проезжими, как и я, людьми, И ты, конечно, догадываешься, что твой отец снова где-то странствует со своими лекциями. Сейчас я в небольшом городке Лиски вблизи станции, туда я прибыл днем на автобусе из другого городишка — Павловска, отстоящего отсюда более чем на 100 км. Странствую я уже с этой субботы, 10-го был в ту субботу проездом в этом же городе, откуда предпринял на пароходе по Дону путешествие в Павловск. Путь длился свыше 15 часов по очаровательной местности — леса, горы, живописнейшие излучины рек, чудный воздух и непрерывная смена видов. Для меня, как художника, это было исключительным наслаждением. Как хотелось местами остановиться, чтобы запечатлеть эту красоту, о которой в сущности и не подозревал. Сам Павловск окружен тоже исключительными по своей живописности местами, и я, вставая в 6 ч. утра, шел в лес, к Дону, к ярким лугам, конечно с красками, написал несколько этюдов.

А вторую половину дня посвящал лекциям. Прочел я за четыре дня пребывания целых восемь лекций. Особенно трогательно провожали меня учительницы-инвалиды в доме пенсионеров. Они даже преподнесли букет цветов. Еще большой букет я получил после лекции в тубсанатории для больных костным туберкулезом. Но у них больно было читать при виде этих детей и юношей, прикованных на целые годы к постели; живущих в этом сосновом лесу с ароматами смолы и не видящих никаких радостей.

Городок же Павловск типично провинциальный, с широкими улицами, небольшими домиками с огородами и садами. Туда еще недавно наезжали жители Москвы и даже Ленинграда на летний отдых и ради этих замечательных уголков природы на берегу Дона с купаньем и рыбной ловлей. Я бы тоже наслаждался бы больше этой природой (ведь у меня отпуск), если бы не эта необходимость думать каждый вечер о лекциях и иногда переживать их, ибо я не могу говорить бездумно о вещах, которые я люблю и перед которыми преклоняюсь. А утром с каким-то запоем стараюсь скорее сесть с этюдником и подчас до изнеможения часа четыре почти подряд трудиться над изображением очаровательной природы.

12

18.01.49. Воронеж.
А.Л. Афанасьевой.

Новое мое жилье хотя и близко от центра, но носит сугубо окраинный характер. Улица эта Петра Алексеева, дом № 19. Вьется она по обрыву к реке, сколько спускается с горы и еще более затруднительно, когда двигаешься с ведрами воды — колонка на пригорке... Но я, как художник, всюду нахожу утешение с живописной точки зрения, а тем более тут, когда и в самом деле открывается красивый вид на громадящиеся вдоль склона холма домишки, виднеется широкая пойма реки, за ней уходят к бескрайности широкие дали, а внизу, справа у самого берега живописно вырисовывается старинный, пятиглавый храм петровских времен.

Сейчас все это обильно покрыто снегом, особенно за эти два дня, когда его столько выпало. И я жду выходного дня, чтобы начать писать хоть маленькие этюды из окна (если мороз не покроет стекла своими узорами). Но этих «выходных» пока еще не было...

С нового семестра я буду продолжать чтение лекции по истории русского искусства в Университете на историческом отделении...

13

*1/II. 49. Усмань
А.Л. Афанасьевой.*

Пишу снова из неведомого тебе городишки, расположенного в 2 часах езды по железной дороге от Воронежа. Здесь я с пятницы 23-го, снова с выставкой и лекциями от музея и от Общества по распространению политических и научных знаний. Продолжаю «сеять разумное, доброе, вечное».

Городишко маленький, но существует уже давно, с петровских времен, родина писателя Эртеля, о котором помнят только здесь, да, может быть, специалисты-литераторы, да еще те аборигены Воронежской области, которые жили в 90-х годах прошлого века. Маленький краеведческий музей, где директорствует бывшая сотрудница воронежского музея, гостеприимством которой я воспользовался эти дни.

Погода, к счастью, довольно мягкая — 2-3 градуса мороза, много снега, деревья — а их тут много, сплошной сад, можно сказать — покрыты инеем. Улицы широкие-широкие, отчего одноэтажные домики кажутся совсем низенькими... Уже прочел три лекции, сегодня должен прочесть еще три — все о великих русских художниках — это мое амплуа. А перед выставкой, посвященной молодежи в Изо-искусстве, устроенной в сыром и невзрачном фойе кино перед сеансами, выступаю с отдельными лекциями. От вокзала надо передвигаться целых три километра, бывает автобус, но не очень регулярно. Вероятно, завтра придется идти с грузом обрамленных репродукций пешком, если не встречу чего-нибудь попутного...

Когда вижу, как воспринимают мои лекции, как реагирует молодежь — получаешь всякий раз какое-то моральное удовлетворение...

14

*2 июля 1949. Воронеж.
А.Л. Афанасьевой.*

Хотелось бы в Павловск. Это будет и отдых мой, и возможность написать несколько этюдов в красивых, живописных местах...

В музей, который теперь уже полностью функционирует с конца апреля, я все время прохаживаюсь по залам, веду экскурсии. Пушкинский юбилей дал много работы: со своей лекцией «Пушкин и изобразительное искусство» я был в десяти местах, но все больше в общественном порядке. В музее же организовал выставку, где удалось собрать из наших Фондов много интересного. Так что превратился еще и в «пушкиноведа»!

С мая месяца я уже стал пенсионером — получаю от Собеса 130 руб. за свой возраст и долголетнюю службу (в этом году исполнилось 35 лет).

15

*11.VII.49. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.*

Рано встаю, стараюсь до ухода на службу (в Музей) написать хоть этюдик — виды из окна прекрасные, к тому же в этом году чудная зелень — дождь льет каждый день. В мае же было сухо и жарко. А музей все-таки сравнительно далеко — иду минут 45, хотя путь проходит по хорошим улицам, которые становятся все лучше и лучше — город отстраивается все больше и больше, особенно на главном проспекте, где наш музей.

16

*5/V. 50. Воронеж.
А.Л. Афанасьевой.*

1 апреля с небольшой температурой и даже с бюллетенем в кармане я выступал с большим докладом «О портретной живописи и работе над портретом» перед довольно-таки многочисленной аудиторией художников и любителей в нашем музее (теперь устраиваются у нас такие творческие вечера). И по своей привычке говорить громко во всю мощь своего голоса, я надорвал свой главный аппарат. Вынужден был довольно длительно молчать, пить лекарства и сидеть дома.

А тут еще приближались дни Айвазовского, и как ты можешь узреть из прилагаемого «литературного» материала, он был ознаменован специальным вечером, где я выступал перед еще более обширной аудиторией, едва разместившейся в зале музея на расставленных в большом количестве стульях. А на беду перед самым докладом еще пришла большая экскурсия, и я снова боялся, что моего голоса не хватит на вечернее выступление...

Числа 12-13 кончатся занятия, станет легче, я смогу по утрам (до музея) ездить к природе (конечно с этюдником).

Есть маленькие план — недели на две проехать по Дону до Павловска и там поработать.

17

5.V.50 Воронеж
Е.И. Афанасьевой

Если я доберусь до природы, то мне захочется запоем работать на лоне с этюдником и, чем больше мне прибавляется лет, тем все сильнее и сильнее становится эта жажда. Особенно, когда проходит такая зима, как эта... Сейчас только и думаю о таком «отдыхе», когда бы я смог с утра до вечера быть с красками!

18

25/VI.50. Павловск Воронежской обл.
А.Л. Афанасьевой.

Сегодня воскресенье. Пришлось из-за грозы (а они тут зачастили и почти каждый день небо громыхает вовсю) прервать раньше обычного вернуться в гостиницу, которая называется «Тихий Дон». Сама гостиница чистенькая, уютная, почти никого нет приезжающих, и я в номере на четверых почти все время один. Постепенно на стенах появляются один за другим новые и новые этюды, сохнут, чтобы можно было их безболезненно везти домой...

Тут же изумительные места! Замечательный Дон, то местами широкий, то его теснят меловые горы, поросшие лесом. Берега покрыты густыми зарослями великолепного леса, то местами приближаются к реке холмы и овраги, покрытые темными соснами. И я с удовольствием предвкушаю обратный путь на пароходе — он уходит в 12 ч. дня, и я смогу увидеть места, которые мы проходили, и я сюда, ночью. Приходится сожалеть, что не обладаю такой памятью, какой обладал Айвазовский, чтобы можно было по приезде все это восстановить красками. Я и встаю рано — часов в 4 ½—5, беру свои художественные манатки (ящик с красками, походный мольберт, складную скамейку, натянутый на подрамник холст и сетку с провизией, захожу на базар, который обычно весьма скромнен и действует с 5 до 7, покупаю традиционную квашенку (по-настоящему простоквашу), съедаю одну порцию, другую беру с собой, беру творога... По воскресеньям большой привоз — не дорого, но все примитивно: катышки масла, корчаги молока...

Ах, какие тут места, какая чистая, прозрачная вода в Дону!

19

2/IX. 50. Москва.
А.Л. Афанасьевой.

Пишу на этот раз из Москвы, откуда я завтра двигаюсь обратно в свой Воронеж. Здесь я с 28-го; приехал в командировку по делам Музея — взять в реставрационных мастерских наши картины, да достать кое-что из оборудования... Вероятно, в октябре опять должен буду приехать сюда, чтобы недели две практиковаться, или, как принято говорить, «стажироваться» по части реставрации...

Успел побывать и в Третьяковской галерее, где сейчас главным образом выставка 49-го года и Сталинская, а в музее имени Пушкина — подарки Сталину, где очень много весьма любопытного.

Завтра в 7 ч. вечера сажусь в поезд. Дома меня ждет обильный, ассортимент работы — и Музей, и Техникум, куда я опаздываю к занятиям — там у меня уже 16 групп по рисунку и живописи, а хочется еще поработать и над картиной — одну заканчиваю, а другая уже в мыслях: надо что-нибудь дать для выставки.

20

30/X.50 Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

Умудряюсь иногда заниматься чуточку и живописью, иной раз при свете электричества, а иногда, если не спешишь к первому уроку, то и утром — ведь скоро выставка, хочется по обычаю кое-что выставить — одна картина готова, а над второй, чуть побольше — еще надо посидеть, да так мало времени и так мало светлых часов.

21

1/IV. 51 Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

В понедельник 26-го был торжественный вечер, посвященный Игорю Грабарю (80 лет) и Манизеру (60 лет), и мне пришлось в один вечер сделать два доклада, «нафаршировав» спешно свою усталую голову за короткие сроки творческой деятельностью двух совершенно разных людей (было решено вечер устроить за неделю перед тем). В то же время я начинал себя, копаясь в литературе, сведениями о Тропинине (175 лет со дня рождения), о котором докладывал вчера на втором вечере в неделю. Если прибавить к тому, что пришлось самому заказывать билеты, бегать по местам, их разносить (мне теперь хоть помогает

еще другая научная сотрудница), писать статью для газеты, устраивать выставку, да еще обязательно представлять начальству конспект будущего выступления, то можешь себе представить, сколько было хлопот. А, кроме того, я продолжал готовиться к циклу, уже исписал две тетради конспектов, ибо много приходится рыться, добывать иллюстративные материал. Думаю, через неделю проведу первую лекцию по искусству Древней Руси. При этом надо принять во внимание, что я не привык «читать» лекцию или доклад, как это часто теперь принято. Я могу ее только «говорить», именно «докладывать», удерживая всю нить повествования в голове, разрешая себе прочитывать по карточке цитаты или какие-нибудь места с чужой речью. Все это заставляет меня ужасно напрягаться и всегда перед лекцией у меня ощущение, что ничего не помню, все перемешал, а этот раз особенно из-за обилия материала, набитого в моей голове. К счастью, бывает так, что стоит мне начать и, если в зале особенно много народу, всё идет как по маслу. Начинаю даже иногда воодушевляться, и всё как-то «прет» из головы, и нисколько не волнуясь, а только внутри переживаю, если мне приходится говорить о предмете, который меня особенно трогает. Таким предметом и был доклад о Тропинине, и не могу сказать того же о Манизере, я все-таки холодноотношусь к скульптуре, я ее даже не всегда люблю — она всегда холодная и в прямом и в переносном смысле...

Вот водишь, сколько я наговорил! А хочется еще кое-что рассказать. Например, о весне. Ведь она таки у нас уже пришла — сегодня было 15 градусов и перед окнами внизу уже не снежная равнина, занимающая всю пойму реки, а целое огромное озеро. Разлилась, как ни разу за все время, что тут живем, — поднялась на целых 6 метров и внизу — это хорошо видно, если чуточку спуститься по нашей улице — как залиты целые кварталы. Домики, как в Венеции, окружены водой, и жители сообщаются на лодке. Ведь это окраина, все больше амбары с сараями и площадками для огородов и цветников. В этом районе внизу у реки разводят очень много цветов, и летом по утрам бабы все несут целыми корзинами и охапками на базар. Мимо моих окон. Раньше все больше тут жили рыбаки, но теперь этим делом мало занимаются, ибо и рыбы-то в реке очень мало стало.

...Утром рано я не мог не соблазниться, чтобы не написать маленький первый этюд в эту весну, сидя на крыльце дома, благо не надо было очень рано идти — сегодня у меня только Музей. Всё же я пошел сперва на базар, чтобы прикупить масла, и был очень обрадован тем обилием, которое я застал там. Всегда как-то радуешься этому обилию. Масса масла, творогу, молока. Понавезли целые горы картофеля, он сегодня стоил 60-70 коп за килограмм и всякой другой снеди. А сахару целые ряды — ведь наш край сахарный, колхозники его получают на трудодни, и они его продают, иногда даже цены бывают почти такие же, как государственные...

Как преобразилась жизнь за эти послевоенные годы, как все дышит достатком, радостью. Ах, весна, весна! И самому хочется быть моложе!

С возрастом я как-то еще больше всегда жду весну. И как придет теперь она, как услышу пение скворца, или увижу прилетевших и рассевшихся на высоких деревьях грачей, — как-то в мысли всегда: «Вот и еще одной весны дождался»...

22

25/X.51. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

... В Москве я пробыл 6, 7 и 8-го. Только 8-го удалось мне отправить картины из реставрации и в тот же день сесть в поезд (но уже не в цельнометаллический вагон).

В Москве купил сахару, крупы, хлеба и нагруженный приехал в Воронеж.

23

2/VIII/ 51. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

Пишу на работе между делом — сегодня воскресный день, когда в музее головокружительный наплыв — я провел уже 4 экскурсии, значит, говорил уже почти 6 часов и почти без перерыва...

9/III.52. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

По сути дела я последнее время почти не существую, существует огромная голова, туго набитая знаниями и долженствующая эти знания расточать направо и налево.

В самом деле, посуди сама:

1) помимо самого Музея, где я говорю, говорю и говорю, и где сплошь и рядом устраиваются лекции — то по плану, то по просьбе школ —

2) меня пригласили читать курс Истории искусств в Университете (1 и 2 к, исторического отделения) — это один раз в неделю;

3) то же проделываю на курсе Пединститута — 1 раз в неделю, и где должен буду на днях начать и в Учительском институте.

4) снова позвали в Архитектурно-Строительный техникум (со 2-го семестра), где я теперь веду «Историю архитектуры» — на 6 группах по 3 ч, в неделю, Чтобы это выполнить, я лавирую с работой в Музее, почему обычно вместо 12 ч. (3 раза в неделю) прихожу в 9-10, а возвращаюсь домой после 9-ти. Но этого мало.

В Доме офицеров веду цикл лекций по Истории искусств (1-2 р. в неделю) и то же начал делать и в филиале этого дома на краю города. Да еще 2-3 раза в месяц по линии Общества по распространению политических и научных знаний где-нибудь читаю эпизодически. Нет-нет да зовут еще прямо так в порядке общественном то в Обком ВКП(б), то в Обком ВЛКСМ, то в райкомы, а раз даже и притом в 11 ч. вечера позвали в МГБ...

Бывают дни, когда особенно тяжело — это по пятницам: часов в 12 придет сюда Педучилище, рассаживаю 30-40 девиц — им надо сегодня о творчестве Айвазовского; в 1 ¼ — быстрым ходом иду в ВГУ — там, например, русское искусство 18-го века; к 5 ч. ухажу в Архитектурный Техникум — там надо говорить о Парфеноне и Эрехтейоне, и оттуда, если вручили путевку — в Дом Офицеров — искусство первой половины 19 века.

К счастью, еще не надо готовить — все это у меня в моем чердаке, где все набито до отказа и мое дело только извлечь то, что именно нужно в данном месте в этот день. Иногда боюсь за свое горло — ему так приходится надрываться — ведь вот за февраль, не считая Архитектурного Техникума — я прочел 18 лекции, не считая экскурсии в музее... А в городе есть театры, кино, — народ все это видит, смотрит — это для меня сейчас как-то и не нужно. <...>

Холодно на беду стало, как не было в январе; в Музее кончилась топка и приходится сидеть в пальто — 9-10 градусов, что не располагает к занятиям с привлечением публики.

22/IV. 52. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

Я за последнее время «олеонардился».

Началось с длительного изучения всех источников, собранных в библиотеке нашего музея, потом все это я облек в форму целого трактата — лекции и уже со 2-го апреля, как ты можешь узнать из описания «среды» в редакции газеты «Коммуна» я начал свои «гастроли». По сей день успел уже 11 раз прочесть лекции — одну в Центральном Лектории Общества (вырезку и афишу тебе посылаю — она красовалась по всему городу). Был один особенно сложный день — 18-го; я в 8 ч. должен был выступать на торжественном заседании ученого совета в Пединституте — пока собралась публика, уже настало 8 ч., а не позже 9-ти я должен был читать последним свой доклад. На ту же тему — о жизни и творчестве Леонардо — на таком же совете в Воронежском Университете. И я едва начал на первом, как вижу, что в зал входит Лера, которому было поручено меня доставить на ректорском автомобиле в ВГУ. Я старался «уложиться» в полчаса, «закруглил» и, собрав поспешно свою выставку (12 экспонатов) при помощи Леры помчался к машине и через 5 минут взобрался в залу Университета, где как раз окончился 3-й доклад, и наступила моя очередь. Если учесть, что до этого я провел 2 часа занятий в своем техникуме, а перед тем 2 часа читал лекции в Университете — свою очередную по программе — ты можешь себе представить, сколько я в этот день наговорился.

А 15-го в нашем музее был торжественным вечер с приглашенными — ты видишь это из приглашенного билета. Но мне за 5 дней начальство изволило сказать, что я не буду читать свою тему о жизни и творчестве Леонардо, а он-де сам это сделает, и мне пришлось срочно все перестроить для другой темы. А он чуть не уморил публику, видимо, задался целью, чтобы на мою лекцию (вернее доклад) уже не остался никто. Но это не удалось ему, все-таки многие, ценящие мои знания и умение заинтересовать публику, остались и тепло меня встретили и очень сожалели, что не я вел основной доклад.

У него было, о чем хочешь, только не о жизни и творчестве великого художника — и сухо, ортодоксально, но и без какой-либо тени любви и уважения к наследию великого мастера. К этим дням я соорудил и прекрасную выставку, на которой фигурирует и подлинник современника Леонардо — Перуджино и ценные гравюры из фонда — леонардовская «Тайная вечеря» огромных размеров и интересная гравюра 17-го века «Смерть Леонардо да Винчи» и много других. Собрал репродукции со всех произведений Леонардо — на стендах более 30 номеров. Я этим всем получил большое удовлетворение — я так соскучился, что столько времени нельзя было по-настоящему заниматься эпохой Возрождения, которую я так люблю и пытаюсь все больше постигнуть.

А Леонардо особенно и, видимо, потому что, может быть, особенно понимаю его стремление объять весь мир. Мне такое стремление тем понятнее, что я сам страдаю этим недугом почти всю свою жизнь — я никогда не мог заниматься в одной области, меня не удовлетворяло быть только инженером, я хотел все знать и во всех областях быть полезным. И приходилось мне быть и художником, и строителем, и инженером, и педагогом в самых разнообразных областях, а теперь еще и искусствоведом, а в этой области меня занимает и вопрос реставрации и проч. По сути дела, меня все интересует. Только вот, пожалуй, одна сторона, меня просто отталкивает — это анатомия, которой увлекался Леонардо.

Ты только не думай, что я себя считаю кем-то а la Леонардо: успокойся, я не страдаю манией величия на старости лет. Нет, я по-прежнему нахожусь в твердой памяти и здравом уме, и если я говорю, то только о понимании той многосторонности, которой обладал великий итальянец, к чему я вольно или невольно по складу своего характера всегда стремился и о чем никогда не жалел.

26

18/VI. 52. Острогожск
А.Л. Афанасьевой.

Пишу сейчас, как ты видишь из первой строчки, из скверненького городка нашей области, знаменитого только тем, что это родина знаменитого Крамского.

Тут я в связи с недавно исполнившимся 115-летием со дня рождения этого художника. Вздумали меня послать о нем тут читать лекции, да юбилей был 8-го, и в те дни столько читали местными силами, что уже народ и слушать больше не хотел. Прочел все же тут одну лекцию на эту тему, а две другие — о лауреатах сталинской премии, а пробыл тут целых три дня. Правда, я отчасти этому рад, ибо в тиши гостиницы (днем почти никого нет) я смог готовиться к докладу и писать статью к 100-летию со дня смерти К. Брюллова. 23-го в музее будет мой доклад с приглашением общественности, может быть, напечатают статью, если она подойдет. А в музее мне бы не дали работать.

27

5/VII. 52. Воронеж.
А.Л. Афанасьевой.

Посылаю тебе огромный пакет с 3-мя газетами, где ты увидишь статьи своего неугомонного отца, который стремится всюду, где есть возможность, говорить об искусстве. Я бы еще прислал номер — военной газеты, да он у меня в единственном экземпляре, но и там снова — еще один вариант о Брюллове.

С сегодняшнего дня, наконец, получил отпуск. Как сложится отдых — не знаю — я признаю его... в разнообразии труда. Поэтому, по всей вероятности, отправлюсь в путешествие по Дону в Павловск, излюбленное мое место в области, вооруженный всякими принадлежностями для живописи, а также неизменными путевками для прочтения в округе нескольких лекций.

28

19/VII. 52. Павловск
А.Л. Афанасьевой.

Как видишь, я пишу этот раз из Павловска, того городка, где я уже бываю четвертый раз в летний период. На этот раз решил провести часть времени в деревушке Басовке, где даже улица носит название Курортная (сюда приезжает много москвичей, даже из Ленинграда). Она расположена в большей своей части вдоль Стародонья — это старое русло Дона, которое еще Петром было перегорожено, прорыто было новое русло ближе к Павловску, и между двумя руслами образовался довольно большой остров, отличающийся обилием леса, прудов, лугов, богато разукрашенных обильными цветами. Берега Стародонья очень живописны — с одной стороны, лес острова, с другой — склон гор, поросший лесом, частными садами. Сейчас обилие вишен. Эти горы — местами оголенные меловые утесы, напоминающие окрестности Инкермана.

И вот я на этой Курортной улице снял себе маленькую хижину на несколько дней, вблизи реки. Вооружился разными подрамниками, красками, походным мольбертом, и начал заниматься своим излюбленным в летнее время делом.

3/XI.52. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

Невероятная перегруженность началась с октября — вернулись с каникул ученики техникума, и я снова принялся за Историю архитектуры на IV курсе. Нагрузка довольно большая — 24 недельных часа. А если принять во внимание, что это все в вечернее время, да к тому же два дня я должен отдать все свои 8 часов в сутки, вот и выходит, что я выхожу из дому до девяти и возвращаюсь после 9-ти, а иногда и позже. Да кроме того раз в неделю по утрам в Пединституте на IV курсе — История искусств, да в октябре там же вечером раз в неделю на особых курсах рисования в том же Институте — вот и получается моя занятость до предела.

А по воскресеньям весь октябрь приходилось в Музее отдуваться одному с экскурсиями — моя сослуживица научный сотрудник была в Москве почти месяц. И были иногда такие дни, что открывал рот в 10 утра, а закрывал лишь в шестом часу, объясняя одной, за другой экскурсиям. Да случалось еще проводить специальные лекции, то по циклу, то просто по заявкам школ. Некоторые думают, что вот будет подряд 3 дня — 7, 8 и 9 — для отдыха. А между тем это будут особенно тяжелые дни, ибо Музей открыт в эти дни, а потом получу отгул через час по чайной ложке: я, например, еще не смог взять отгул себе за 1-е и 2-е мая...

У нас почти весь октябрь шли дожди, и я не смог запечатлеть золотую осень, которая была в этом году особенно золотая.

5/XII. 52. Воронеж
А.Л. Афанасьевой.

Пишу тебе при необычной обстановке — на дежурстве в музее. Из-за нелепых порядков своевременно не было предусмотрено нашим начальством иметь в штате сторожей, а вмешался контроль, и не нашли ничего остроумнее, как охрану музея возложить на сотрудников, и теперь каждый, раз в неделю, должен изображать еще и ночного сторожа. Сотрудников всего 7, и вот и получается это развлечение. И вот я пришел около 12 ночи, отработав день (ведь 5-го мы работаем), и буду тут в обширных залах музея дремать в кресле и сторожить имущество. Потрескивает нет-нет паркет, слегка гудит мотор отопления, но, верно, скоро истопник сам задремлет, выключит мотор и до утра будет понемногу падать температура — да и сейчас не густо, около 13 градусов. На дворе мороз, выпал наконец снежок. Музей среди обширного двора, окруженный высокими зданиями — жилыми домами и Управлением Юго-Восточной железной дороги, и сюда слабо доносится гул города, хотя мы у главного его проспекта...

Работы у меня по-прежнему по горло...

Предисловие и публикация Тамары Дьяковой